

Когда мы поздравляем наших близких с каким-нибудь праздником, мы по заведенному обычаю желаем им здоровья, благополучия и всяческих успехов, что понятно и естественно. Ведь этих благ большинству людей так недостаёт! Таков уж наш мир, в котором радости нечасты, а всякого рода скорби и заботы — наши постоянные спутники. Но век сей — век преходящий. Вместе с ним пройдут и все его радости, и все его скорби и заботы. Непреходящий же — век грядущий, Царство Божие, которое и ныне среди нас. Пришедшее в мир с Иисусом Христом оно есть Царство «радости Духа Святого», которой исполнена жизнь истинно верующего христианина (1 Фесс 1,6). И так — в любых обстоятельствах, далеко не всегда благоприятных для мирской радости. Более того, говоря о «радости Духа Святого», Апостол Павел напоминает, что эта духовная радость сосуществует со многими мирскими скорбями, которые неизбежно ожидают верующих в веке сем, «ибо вы сами знаете, что так нам суждено» (1 Фесс 3,3). Увы, христиане часто об этом забывают. Они как бы не помнят слова Спасителя о том, что Он принес Своим последователям, пока они живут в этом грешном мире, не материальное богатство, не физическое здоровье, не успех в делах, не гарантии мира и покоя. Нет, совсем наоборот, Спаситель говорил, что верующие в Него должны нести свой крест, следуя за Ним. Куда следовать? Да на крест! И через крест — к высочайшей цели, к совершенству богоподобия и жизни бесконечной в Царствии Божием, которое «теперь мы видим ... гадательно, тогда же — лицом к лицу» (1 Кор 13,12). Именно таков узкий и трудный путь в Царствие Божие.

Но коринфяне избрали путь легкий и широкий. Еще вчера язычники, они приняли крещение. Но это таинство они поняли на языческий манер, как магический обряд, автоматически гарантирующий им уже здесь, на земле, беззаботное и совершенное пребывание в Царстве Божием. Похожий энтузиазм мы можем наблюдать и в современном христианстве, особенно часто у так называемых неофитов, то есть у новообращенных, но не укорененных в вере христианах. Апостол Павел иронически обращается к таким оторвавшимся от земли мечтателям: «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас» (1 Кор 4,8). Подчеркивается словечко «уже». Возможно, что коринфяне находились под влиянием современного им философского учения, которое утверждало: мудрец уже сейчас обретает совершенство и стоит над тленным миром. При этом, правда, считавшие себя «совершенными»

христиане в реальной жизни враждовали друг с другом и совершали всяческие неблагоприятные поступки. Но этому обстоятельству «совершенные» как-то не придавали значения. Они видели себя выше всей этой мирской суеты. Апостол Павел желает свести коринфян с их мнимого неба на реальную землю. Он знает, что совершенство достигается не прыжком через страдание, но трудным путем сквозь страдание во Христе. Для него ясно: через Крест — к славе, от смерти — к Жизни. Иного пути нет. И сам он видит себя до сих пор в пути, далеком от цели.

И вот, в резком контрасте с мнимым «духовным полетом» коринфян, Апостол описывает свое внешне жалкое и вряд ли вызывающее зависть существование. В то время как они «парят» над миром страданий в своем иллюзорном «блаженстве», он исполняет свою будничную миссию, испытывая множество трудностей. Конечно, он не жалуется, но просто констатирует, что его Евангелие Креста неизбежно формирует и сам образ жизни. С горькой иронией рисует он карикатуру на завышенную самооценку коринфян, когда говорит, что он безумен, а они — разумные, мудрые «во Христе». Но речь-то ведь идет о Христе распятом! Христианское существование основано на вере в спасительный Крест; а для мира это — безумие, отсюда неизбежный антагонизм мирской мудрости и жизни во Христе. Именно Крест Христов формирует жизнь Его вестника. Это Апостол иллюстрирует впечатляющим перечислением своих житейских бедствий. Он описывает нужду и трудность своей жизни странствующего проповедника: он скитается в холоде и голоде, часто унижаемый как последний сор этого мира. Он, Апостол Павел, возвещающий Слово о Кресте, стоит не наверху, а внизу, на последнем месте. Он сравнивает свое положение с положением на арене приговоренных к смерти преступников, которые на гладиаторских боях должны были служить развлечением для публики, жаждущей кровавых зрелищ. Таким образом, Апостол сравнивает себя с теми людьми в римском обществе, у которых отняты остатки человеческого достоинства. Ниже стоять уже просто невозможно. Нет, Апостол Павел вовсе не ищет страданий, не произносит им хвалебную речь. Эти страдания вынужденные, они — следствия той Вести, которую он должен возвещать.

Печально-ироническая речь Апостола прерывается словами, которые дышат ду-

хом Нагорной проповеди. Несмотря на все унижения, он не отвечает злом на зло, не мстит, но призывает Божие благословение на злословящих его. И это, разумеется, тоже воспринимается миром как признак слабости и ничтожности. В заключение он в контраст гордыне коринфян называет себя «сором, отбросом общества». Так мир оценивает жизнь того, кто несет ему весть спасения. Коринфяне в своем оторванном от реальности энтузиазме подошли опасно близко к такой оценке. И Апостол желает спустить их с высот их восторга на почву земной действительности.

Слушая энергичную речь Апостола Павла с перечислением его страданий, коринфяне, скорее всего, должны были почувствовать стыд. Поэтому Апостол спешит заверить их, что он отнюдь не желает ни стыдить коринфян, ни принизить их, но обращается к ним как к «возлюбленным детям». Это не пустая фраза: ведь Апостол Павел «породил» (буквально — «зачал») Коринфскую церковь Евангелием. Поэтому он вправе считать себя отцом коринфских христиан. Как отец, он сознает свое уникальное отношение к Церкви и свою ответственность за нее. Он однозначно отделяет себя от прочих христианских или мнимо-христианских проповедников, называя их пекущимися о коринфянах «наставниками» (буквально — «детоводителями»). Говоря о том, что таких детоводителей целая тьма, то есть десять тысяч, — насмешливо-иронический намек на партийные распри в Коринфе.

Сознавая свое призвание и отеческое достоинство, Апостол призывает коринфян подражать ему, брать его за образец. Понятие «подражания» было широко распространено в древности и означало следование ученика добродетелям учителя. Но Апостол придает этому понятию необычный смысл. Коринфяне должны подражать не высоким добродетелям Апостола, но его жизни, проходящей под знаком Креста. Апостол не добивается признания собственной личности. В центре его внимания Крест Христов! Он желает привести коринфян к тому, чтобы они уразумели смысл Евангелия. Они должны подражать ему, Павлу, потому что сам он ориентируется на Крест. Они должны соразмерять себя по образцу страдающего Апостола, который принимает жизнь с ее трудностями в полном доверии к близости Господа и всё переносит в неутомимой верности Ему (4:6-13). Он не желает блистать, не выставляет себя на первый план, но верно служит делу распятого Господа (2:1-5). Он — образец, потому что сам берет себе за образец Иисуса Христа (11:1).

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

ПОЧЕМУ СМЕРТЬ ХРИСТА – ЭТО ЖЕРТВА?

У разных религий много общего. Все они говорят о вечной жизни после смерти, все о на откровениях свыше, везде мы встретим жертвоприношения, которые должны примирить человека с высшими силами и загладить его проступки. Но только христианская вера говорит о принесении в жертву Божьего Сына. И это вызывает множество вопросов: кто принес такую жертву, кому, для чего? Неужели невозможно было без нее обойтись?

ЖИЗНЬ КАК ЖЕРТВА

В Гефсиманском саду накануне распятия Христос долго молился Отцу: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26:39). Нигде больше в Евангелии Он не произносил подобных слов, исполнение воли Отца было для Него радостным и легким. Но здесь... Долгая, болезненная, позорная казнь – самая жуткая из всех, какие только существовали в то время и в том месте. Сын Божий идет на нее добровольно, мы говорим, что это сделано ради спасения нас, людей. Но неизбежно возникает тут вопрос: неужели нельзя было как-то иначе? Сам Христос желал, чтобы это было возможно!

Ветхозаветные пророки пытались вернуть человечество к Богу иначе: они его уговаривали, всё ему объясняли и даже сурово грозили. Иногда это помогало... на некоторое время. Но ничего не менялось радикально, и тогда на землю пришел не просто еще один пророк, но Сын Божий. Он родился в этом мире как абсолютно невинный и праведный Человек и ни разу не воспользовался божественным всемогуществом, чтобы защитить Самого Себя. Чем могла закончиться такая история?

А что будет, если надутый воздухом мяч погрузить в воду? Вода вытолкнет его наружу. Точно так же и мир, переполненный злом, выталкивает из себя совершенное Добро. Уже царь Ирод, услышав, что родился новый Царь, собирается убить всех младенцев в Вифлееме, чтобы гарантированно Его уничтожить. Это настолько важная для него цель, что он не останавливается ни перед чем – и страдают, что характерно, совершенно невинные люди. Тоже своего рода жертвы.

Пришедший в мир Мессия мог пойти двумя путями: взять власть силой, заставить людей подчиниться Ему (это и предлагал Ему сатана во время искушений в пустыне) или сохранить свободную волю людей, явить им путь любви и добра – но и заплатить за это собственным покоем, благополучием, а в конце концов и жизнью. Избежать Голгофы Христос мог, только если бы навсегда отказался от своей миссии, и в Гефсиманском саду Он это понимал.

Всё это заставляет нас говорить о подвиге и о жертве применительно не только к распятию, но и к всей земной жизни

Христа. В православном богословии есть рассуждения не только о кресте как о жертве, но и о том, что Христос стал человеком, чтобы приобщить людей к Богу и, в конце концов, сделать их богами – это называется словом «обожение». До тех пор во всех религиях боги лишь учили людей, как им жить. Если иногда они даже и принимали человеческое обличие, то уж никогда не разделяли с людьми их бед и страданий. Пропасть между миром блаженных небожителей и смертных людей оставалась непреодолимой. А Христос не просто рассказал нам, как следует жить – он прожил жизнь, которой мы можем подражать, если пожелаем. И так открыл для нас дорогу на небо.

В конце концов, любые земные слова и понятия, в том числе и слово «жертва», лишь отчасти выражают ту высшую, предельную реальность, с которой мы встречаемся в Евангелии. Если мы употребляем это слово – «жертва», это вовсе не значит, что Христос был жертвой в том узком и непосредственном смысле, в каком был ей барашек, зарезанный на Пасху. Нет, повтор слова указывает лишь на глубинное родство этих двух событий, пасхального пира и Голгофы. И в том, и в другом случае речь идет о восстановлении нарушенной связи между Богом и человеком. Но все-таки слово «жертва» используется в Новом Завете постоянно – почему именно оно?

КРЕСТ КАК ИСКУПЛЕНИЕ

Те, кто думают, что самое главное в Новом Завете – учение Христа или его нравственный пример, ошибаются. Вовсе нет! Значительная часть того, чему Он учил, уже так или иначе прозвучала в Ветхом Завете. И хотя в Евангелии все это изложено более ясно и связно, уникальность Благой вести вовсе не в проповедях и притчах. В конце концов, другие духовные учителя человечества тоже оставили множество прекрасных наставлений и изречений. Если бы все соблюдали хотя бы сотую их часть, жить на Земле было бы намного лучше и проще.

Неповторим в Евангелии Сам Христос – воплощенный Сын Божий, и, прежде всего – Его смерть и воскресение. Это по-

нимал и Иоанн Креститель, когда, обращаясь к своим ученикам, сказал о Нем: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Мог бы сказать: вот великий праведник, пророк и учитель, и был бы совершенно прав, но он с самого начала предупредил о самом главном. Агнец – это жертвенный барашек, который приносился Богу во искупление человеческих грехов, и слова Крестителя просто невозможно понять в каком-то другом смысле.

Смерть Христа на Голгофе описывается Евангелистами как пасхальное жертвоприношение, вплоть до мельчайших деталей, и это не случайно. Что же это была за жертва? Кровь животного проливалась в Ветхом Завете во искупление грехов одного человека, группы людей, пусть даже целого народа, но все равно это было очищение временное и частичное. Полностью смыть грехи всего человечества, все, какие только совершались и еще совершатся, могла только совершенная жертва, кровь единственного Безгрешного – Сына Божиего. И тогда уже неважно, велик или мал этот грех, ведь дело уже совсем не в нем, а в совершенной и безгрешной жертве. Когда знаменатель дроби стремится к нулю, ее значение стремится к бесконечности; так и здесь «ноль греха в знаменателе» дает бесконечное, полное прощение.

Христиане говорят: Он принес Себя в жертву за грехи всех людей. И это сразу вызывает множество вопросов. Во-первых, кому принес? Отцу? Но разве Отцу приятна мучительная гибель Сына? Конечно же, нет. Еще Аврааму Он объяснил, что человеческие жертвы Ему не нужны. Так может быть, говорят некоторые, это выкуп сатане за наши души? Но Бог не должен платить выкуп сатане.

А есть ли вообще ответ на этот вопрос? Представим себе солдата, который остался прикрывать отход своего отряда и погиб – так и Христос принял на себя предназначенный для всех нас удар зла. Или представим врача, работавшего в эпидемию в самой гуще больных, зная, что и сам заразится – ведь и Христос принял на себя смертельные последствия эпидемии греха, поразившей человечество. Солдат и врач пожертвовали собой ради спасения других людей – но будет ли осмыслен вопрос, кому именно они принесли эту жертву? По-видимому, нет. Жертва бывает нужна, чтобы радикально изменить положение дел, но совершенно не обязательно понимать ее как некий «выкуп», который дается кому-то конкретно. Солдат сражался, врач лечил – они до конца боролись со злом, а не отдавали себя ему в руки.

Но нужна ли была такая жертва? Разве Бог не мог простить каждого челове-

ка просто так? Разумеется, мог, ведь Он всеблаг и всемогущ. Но что это было бы за прощение? Попустительство, амнистия всем подряд – и тем, кто раскаялся, и тем, кто задумывает новые преступления. Грех – это действительно серьезно. Это как горная лавина, вызванная неосторожно брошенным камнем. Христос принял эту лавину на Себя, закрыл от нее человека. Он не пожелал просто взять и отменить лавину, сделать недействительной причинно-следственную связь. Ведь Христос ничего не предпринимал специально, чтобы взойти на крест – но мир, поработанный греху, сам привел Его ко кресту. Подлинное, настоящее добро в падшем мире не может привести никуда, кроме Голгофы, но отныне всякий всходящий на нее видит, что он там не один – Христос пришел туда первым и взял все самое тяжелое и страшное на Себя.

Мы по опыту воспитания детей знаем, что если закрывать глаза на любые их проступки, они вырастут бесконечно избалованными. Им нужно ставить некоторые пределы, объяснять, что на свете есть понятия «надо» и «нельзя». Прощать за проступки нужно и можно, но только тогда, когда ребенок сам понимает, что поступил плохо. А что можно сказать о взрослых? Если Бог просто будет списывать каждому из нас любые грехи, нам останется только наслаждаться жизнью и ни о чем не думать... Впрочем, и наслаждаться особенно не получится – жизнь, в которой не будет никакой сдерживающей силы для греха, довольно быстро превратится в настоящий ад. Есть в русском языке такое слово «беспредел», оно как раз об этом.

Такой сдерживающей силой, пределом для греха в Ветхом Завете был прежде всего Закон, важная часть которого как раз регулировала разнообразные жертвоприношения. С их помощью человек просил об искуплении грехов, чтобы восстановить общение с Богом. Естественно, все эти жертвы были временными и относительными – своего рода тень, прообраз будущего искупления, которое Христос совершил на Голгофе, пролив свою кровь за грехи каждого из нас.

При этом надо понимать, что слова «жертва» и «искупление» тут не технические термины, которые с безукоризненной точностью описывают суть произошедшего, но скорее самые близкие к этой сути слова нашего языка, с помо-

щью которых мы приближаемся к пониманию этой Тайны. Только приближаемся! Впрочем, отбросить их тоже никак не получится, потому что они не раз повторяются в самом Новом Завете, и не случайно суть произошедшего на Голгофе описывается именно этими словами. Но слова и суть событий – все же не одно и то же.

И поэтому богословские споры о характере этой жертвы: кто принес, кому принес, зачем принес – отдают некоторой схоластикой, искусственным манипулированием словесными формулировками. Трудно представить себе, что ученики, стоявшие у подножья креста, или, тем более, сам Спаситель, отвечали бы на эти вопросы... Тут важнее благоговейное соучастие в таинстве, чем его словесное определение. Впрочем, если нужны формулировки, можно предложить такой ответ: Бог и человек Иисус Христос принес Самого Себя в жертву Отцу за каждого человека, в том числе и за нас с вами. От нас теперь зависит – принять или отвергнуть спасительные плоды этой Жертвы.

ЖЕРТВА КАК НОВЫЙ ЗАВЕТ

Не случайно с крестной смертью связано главное таинство христианства – Евхаристия. Накануне распятия Христос собрал учеников на Тайную вечерю и за трапезой заключил с ними, а через них и со всем человечеством, Новый Завет. Так соединились два главных смысла жертвоприношения: совместное пиршество Бога с людьми и искупление человеческих грехов. Сегодня всякий раз, когда христиане совершают Евхаристию, они приносят бескровную жертву, присоединяясь к тому, что происходило две тысячи лет назад за пасхальным столом в Палестине.

«Кровь Его на нас и на детях наших», – кричала обезумевшая толпа во дворе Понтия Пилата. Эти слова обычно понимают как свидетельство об ответственности, но можно увидеть в них кое-что другое, чего не имели в виду сами крикуны: народ окропила кровь Нового Завета! Точно так же, как Моисей при заключении Ветхого Завета кропил народ кровью жертвенного агнца (барашка), так и теперь кровь Агнца, берущего на себя грехи всего мира – Христа – окропила всех, кто стоял на этой площади, и вообще всех людей в этом мире.

Ветхозаветные жертвы, временные и частичные, постепенно готовили израильский народ, а через него и все человечество к этой удивительной тайне, заранее раскрывая ее смысл, предвещая неизбежность Креста и непобедимую силу Воскресения. И уже одно это придает им больше смысла, чем всем другим обрядам и таинствам всех религий и духовных традиций, какими бы прекрасными они нам ни казались.

И вот, наконец, эти события состоялись: воплощение, служение, распятие и воскресение Христа. Они показали нам, насколько серьезен и отвратителен человеческий грех, но не это главное. Они явили нам, до какой степени мы дороги Богу и до какой степени Он готов смириться и разделить нашу земную участь, чтобы вернуть нас к Себе. Наконец, они восстановили разорванную связь и открыли для каждого из нас возможность войти в новое соглашение человечества с Богом, называемое простыми словами «Новый Завет». Отныне принадлежность к народу Божию определяется не происхождением, а только готовностью принять на себя это звание, увидеть во Христе своего Спасителя, начать жить по Его заповедям, стать частью Его Церкви, где постоянно совершается Евхаристия – символическое повторение Тайной Вечери накануне распятия. И не случайно она тоже называется «бескровной жертвой» – ведь теперь множество жертвенных животных заменены воспоминанием о том, что раз и навсегда свершилось на Голгофе.

Слово «жертва», как и любое слово, недостаточно полно и точно выражает суть всего этого – но оно, пожалуй, выражает ее лучше, чем какое бы то ни было другое слово.

Андрей Десницкий

АПОЛЛОН МАЙКОВ "В ХРАМЕ"

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет:
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упования
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменование
Чую трепетной душой:
Это - медный грош вдовицы,
Это - лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это - светлое мгновение
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

АЛЕКСАНДР БЛОК "ЛЕТО"

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел - и сорву!

Расписание богослужений с 6 по 12 августа 2018 г.		
6 августа Понедельник	Мчч. блгвв. кнн. Бори́са и Гле́ба, во Святом Крещении Рома́на и Дави́да	
7 августа Вторник	Успение прав. А́нны, матери Пресвятой Богородицы	
8 августа Среда	Сщмч. Ермола́я и иже с ним	
9 августа Четверг	ВМЧ. И ЦЕЛИТЕЛЯ ПАНТЕЛЕЙМОНА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
10 августа Пятница	СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМОЙ «ОДИГИ́ТРИЯ»	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
11 августа Суббота	Мч. Каллини́ка	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
12 августа Воскресенье	НЕДЕЛЯ 11-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, МЧ. ИОА́ННА ВО́ИНА	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

КАК НАДОБНО МОЛИТЬСЯ УРОК ПЕРВЫЙ

Дело молитвы есть первое дело в жизни христианской. Если в отхождении к обычному порядку дел верно присловие: «век живи, век учись», то тем более идет оно к молитве, действие которой не должно иметь перерыва и степени которой не имеют предела.

Древние святые отцы, приветствуя друг друга при свидании, обыкновенно спрашивали не о здоровье и не о чем-либо другом, а о молитве: как, дескать, идет, или как действует молитва. Действие молитвы было у них признаком жизни духовной, и они именovali ее дыханием духа. Есть дыхание в теле – тело живет; прекращается дыхание – прекращается и жизнь. Так и в духе: есть молитва – живет дух; нет молитвы – нет и жизни в духе.

Но не всякое совершение молитвы или молитвословие есть молитва. Стать перед иконою в церкви или дома и класть поклоны не есть еще молитва, а только принадлежность молитвы. Читать молитвы на память или по книжке или слушать читающего их – опять не молитва, а только орудие молитвы, или способ обнаружения и возбуждения ее. Сама же молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу – чувства самоуничтожения, преданности, благодарения, славословия, прошения, усердного припадания, сокрушения, покорности воле Божией и прочее. Вся наша забота должна быть о том, чтобы во время наших молитв эти и подобные им чувства наполняли душу нашу так, чтобы, когда язык читает молитвы или ухо слушает и тело кланяется поклоны, сердце не оставалось пустым, но чтобы в нем было какое-либо чувство, устремленное к Богу. Когда эти чувства есть, молитвословие наше есть молитва, а когда их нет, то она еще не молитва.

Кажется, чего бы проще и естественнее для нас, как молитва, или устремле-

ние сердца к Богу? А между тем, оно не у всех и не всегда бывает. Его надо возбудить и потом укрепить, или, что тоже, воспитать в себе дух молитвенный. Первый способ для этого есть читательное или слушательное молитвословие. Совершай его как следует, и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоём по Богу, или войдешь в дух молитвенный.

В наших молитвословах помещены молитвы святых отцов Ефрема Сирианина, Макария Египетского, Василия Великого, Иоанна Златоустого и других великих молитвенников. Будучи исполняемы духом молитвенным, они изложили внушенное сим духом в слове и предали то нам. В их молитвах движется великая молитвенная сила, и кто приникнет в них всем усердием и вниманием, тот, в силу закона взаимодействия, непременно вкусит силы молитвенной, по мере сближения настроения своего с содержанием молитвы.

Чтобы молитвословие наше сделалось действительным для нас средством к воспитанию в себе молитвы, надо совершать его так, чтобы и мысль, и сердце воспринимали содержание молитв, составляющих его. Вот для этого три самых простых приема: не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого, приготовления; не совершай его кое-как, а со вниманием и чувством, и не тотчас по окончании молитв переходи к обычным занятиям.

УРОК ВТОРОЙ

Положим, что молитвословие есть у нас дело обычное, но никак нельзя сказать, чтоб оно не требовало приготовления. Что, например, обычнее чтения или писания для умеющих читать и писать? Однако ж и тут, садясь читать или писать, не вдруг начинаем дело, а медлим несколько перед тем, по крайней мере столько, сколько требуется для того, чтобы поставить себя в пригодное положение. Тем более необходимы приготовительные действия к молитве перед молитвою, и особенно тогда, когда предшествовавшее тому занятие было совсем из другой области, а не из той,

к которой принадлежит молитва.

Итак, приступая к молитвословию утром или вечером, постой немного, или посиди, или походи, и потрудись в это время отрезвить мысль, отвлеки ее от всех земных дел и предметов. Затем помысли, кто Тот, к Кому обратишься ты в молитве, и кто ты, имеющий теперь начать молитвенное к Нему обращение, и возбуди в душе соответственное тому настроению самоуничтоженного и благоговейным страхом проникнутого предстояния Богу в сердце. В этом все приготовление – благоговейно стать перед Богом, приготовление малое, но немалозначительное. Тут полагается начало молитвы, а доброе начало – половина дела. Так установившись внутренне, стань затем перед иконою и, положив несколько поклонов, начиная обычное молитвословие: «слава Тебе, Боже наш, слава Тебе,» «Царю Небесный» и так далее, – читай не спешно, а вникай во всякое слово, и мысль всякого слова доводи до сердца, сопровождая то поклонами. В этом собственно и дело чтения молитвы, приятного Богу и плодотворного. Вникай, сказал я, во всякое слово, и мысль слова до сердца доводи, – это значит вот что: понимай, что читаешь, и понятное прочувствуй. Других правил не требуется. Эти два: «понимай и чувствуй», исполненные как следует, украшают всякое молитвословие полным достоинством и сообщают ему все плодотворное действие. Читаешь, например: «очисти ны от всякия скверны,» – восчувствуй скверноту свою, возжелай чистоты и взывай ее от Господа, с упованием на Него. Читаешь: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», – и в душе своей прости всем, и сердцем, все и всем простившим, проси себе у Господа прощения. Читаешь: «да будет воля Твоя,» – и в сердце своем совершенно предай участь твою Господу и изъяви беспрекословную готовность благодушно встретить все, что Богу будет угодно. Если будешь так мыслить, чувствовать и поступать при всяком стихе твоей молитвы, то у тебя будет настоящее молитвословие.